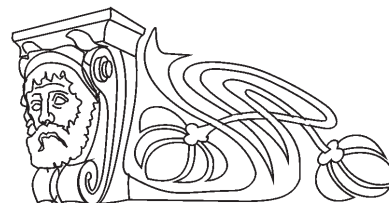

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Славовский+Бунин]

Чужая речь в современной русской прозе (сборник А. Славовского «Туманные аллеи»)

В. Н. Ткачева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

Ткачева Валентина Николаевна, аспирант кафедры русского языка, valentinarum271@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>

Аннотация. В статье анализируются способы передачи чужой речи в современной и классической прозе на материале сборников рассказов Ивана Бунина «Тёмные аллеи» и Алексея Славовского «Туманные аллеи». Внимание сосредоточено на таких способах, как конструкция с прямой речью, свободная прямая речь и диалог. Подобный отбор связан с тем, что именно эти способы наиболее ярко демонстрируют особенности современной прозы. Анализ рассказов позволяет выявить изменения не только в представлении собственно прямой речи и слов автора, но и в функциях расширения авторских слов, среди которых, например, появляется выражение языковой рефлексии, различие точек зрения автора и персонажа, мотивация их речевого поведения. Сделаны выводы об изменении соотношения частей конструкции с прямой речью, которая характеризуется бинарностью. Представление указанных способов передачи чужой речи рассматривается с учетом варьирования перволичного и третьеличного повествования, а также функционально-смысловых типов речи – информационного, демонстрационного, сентенционного, предложенных профессором С. Г. Ильенко. Мотивируется использование свободной прямой речи, а также сближение конструкции с прямой речью с высказываниями, содержащими вводные компоненты. Выявлены особенности представления внешней и внутренней речи персонажей с учетом пунктуационно-графической аранжировки. Продемонстрировано своеобразие изображения диалога в современной прозе. Сквозь синтаксическую призму удалось увидеть, что Алексей Славовский, творчество которого отличается вниманием к современнику, продемонстрировал изменения не только в языке, но и в отношении людей разных поколений к слову, мысли, любви.

Ключевые слова: чужая речь, современная проза, конструкция с прямой речью, диалог, свободная прямая речь, пунктуационно-графическая аранжировка

Для цитирования: Ткачева В. Н. Чужая речь в современной русской прозе (сборник А. Славовского «Туманные аллеи») // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 169–173. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-169-173>, EDN: RYPZOW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Other people's speech in contemporary Russian prose (A. Slapovsky's collection *Foggy Alleys*)

V. N. Tkacheva

The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russia

Valentina N. Tkacheva, valentinarum271@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7630-1999>

Abstract. This article provides a description of the ways in which other people's speech is conveyed in modern and classical prose on the material of the collections of novels *Dark Alleys* by I.A. Bunin and *Foggy Alleys* by A. I. Slapovsky. The focus is on several ways: direct speech constructions, free direct speech, and dialogue. This choice is due to the fact that precisely these ways most clearly demonstrate the features of modern prose. The analysis of the stories reveals changes not only in the representation of direct speech and the author's words, but also in the functions of the extension of the author's words, among which, for example, appear the expression of linguistic reflection, the distinction between the points of view of the author and the character, the motivation of their verbal behavior. The conclusions are made about the change in the correlation of the parts of the construction with direct speech, which is characterized by binarity. The representation of the above ways of rendering the speech of other people is considered taking into account the variation of the first-person and third-person narrative, as well as the functional and semantic types of speech – informational, demonstrative, sententious, proposed by Professor S. G. Ilyenko. The use of free direct speech is motivated, as well as the convergence of direct speech constructions with statements containing introductory components. The particularities of the presentation of the external and internal speech of the characters are revealed, taking into account the punctuation-graphic arrangement. A specific way of presenting the dialogue in contemporary prose is demonstrated. Through the syntactic lens it was possible to see that Alexei Slapovsky, whose work is marked by attention to the contemporary, demonstrated not only changes in language, but also changes in the attitude of people of different generations to the word, thought, love.

Keywords: other people's speech, contemporary prose, direct speech construction, dialogue, free direct speech, punctuation and graphic arrangement

For citation: Tkacheva V. N. Other people's speech in contemporary Russian prose (A. Slapovsky's collection *Foggy Alleys*). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 169–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-2-169-173>, EDN: RYPZOW
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Алексей Иванович Слаповский – недавно ушедший из жизни известный прозаик, драматург и сценарист, лауреат премии «Большая книга». Его разножанровые произведения посвящены судьбе современного человека. При этом Слаповский обращается к классическим произведениям («Вишневый сад» А. П. Чехова, «Крейцера соната» Л. Н. Толстого и др.), экспериментируя с языковыми формами, в частности со способами представления чужой речи.

Его сборник рассказов «Туманные аллеи» (2019) [1] вступает в диалог с «Темными аллеями» (1946) И. А. Бунина [2], актуализированный также в названиях рассказов: «Сто рупий» – «Сто рублей»; «В Париже» – «В Цюрихе и после»; «В одной знакомой улице» – «Огней так много золотых» и т. д. Каждому из рассказов Слаповского в сборнике предпосланы эпиграфы, большинство из которых занимает сильные позиции в рассказах Бунина – их абсолютное начало или конец.

В предисловии к «Туманным аллеям» автор, филолог по образованию (выпускник Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского), предвосхищает иронические замечания читателей и критиков о переписывании им классического бунинского текста: «Алексей Иванович посягнул на Ивана Алексеевича» [1, с. 5]. Автор также обозначает, что преследовал иную цель: осознать изменения во времени, людях и языке, в понимании самого явления любви и жизни классических сюжетов в современности.

В этой связи вспоминается высказывание В. В. Набокова о «парчовой» прозе Бунина [3, с. 189]. Слаповский же иначе говорит о сложности восприятия бунинского стиля. Он настраивает читателя на сложный диалог с классическим текстом, вызывая желание перечитать его, возможно, читать параллельно, без чего оказывается весьма сложно осознать концепцию современного текста.

Авторы литературоведческих [4] статей о творчестве Слаповского, называя его прозу экспериментальной, подчеркивают, что она представляет собой исследование человека, живущего в быстро меняющемся, а потому трудноуловимом времени.

Однако литературоведческий подход к изучению творчества современных прозаиков предполагает неразрывную связь с лингвистическим, что демонстрирует, например, совместное

исследование В. Д. Черняк и М. А. Черняк [5]. Говоря о новейшей отечественной литературе, авторы отмечают, что она отражает разноаспектно речевой портрет современников, репрезентируя и оценивая с различных точек зрения его речевое поведение, а также ярко демонстрирует индивидуальные коммуникативные стратегии и тактики, присущие их языковым личностям.

Безусловный интерес для современных лингвистических исследований представляют чужая речь и способы ее передачи. При их интерпретации необходимо, прежде всего, учитывать тип повествования – перволичного или третьеличного. Слаповский, как и Бунин, варьирует их. Специфика представления чужой речи мотивирована жанровыми особенностями рассказа, который предполагает компрессию изложения, несовпадение времени истории и восприятия текста.

В русистике исследованы различные способы передачи чужой речи: конструкции с прямой и косвенной речью, свободная прямая, тематическая и несобственно-прямая речь, диалогическое единство. Результаты их изучения широко представлены в работах С. Г. Ильенко [6], М. К. Милых [7], Л. А. Соколовой [8], Г. М. Чумакова [9] и других, выполненных в основном на материале классической литературы.

В современных лингвистических исследованиях М. М. Скоморох [10], Г. В. Черкасовой [11], О. А. Блиновой [12], С. И. Клецкой [13], посвященных проблемам чужой речи в художественном тексте, построенных на материале не только русскоязычных текстов, ставятся задачи описания новых способов (инкорпорированная чужая речь [13], гибридные формы чужой речи [11]), предлагается расширение терминологии [10], демонстрируются новые подходы к классификации способов передачи чужой речи [12].

Оставляя за пределами несобственно синтаксические способы передачи чужой речи (несобственно-прямую и тематическую речь), а также конструкцию с косвенной речью, сосредоточимся на конструкции с прямой речью (КПР), свободной прямой речи и диалогическом единстве.

В ряду способов передачи чужой речи уникальной синтаксической единицей является КПР, состоящая из прямой речи и слов автора. Членами научной школы С. Г. Ильенко (Ф. Б. Аманали-

евой [14], Н. В. Максимовой [15], Н. И. Чирковой [16]) были исследованы речевая и текстовая реализации слов автора, а также их расширение. Обращение к современной прозе позволяет усложнить представления о различных способах передачи чужой речи, их трансформации и функционировании в художественном тексте.

В рассказах Слаповского КПР функционирует отдельно или в составе комментированного диалога. Учитывая бинарность КПР, отметим, что в них прямая речь не отличается концептуальной сложностью. Большой интерес представляют так называемые слова автора. Анализируя расширение слов автора в классическом тексте (в романах И. А. Гончарова), Н. И. Чиркова определила факторы расширения вводящих авторских слов и их функции. Среди них исследователь назвала: «...представление <...> “события”, выявление <...> “точки зрения” и скрытых намерений говорящего, выражение скрытой авторской модальности» и др. [16, с. 11–12].

В анализируемых текстах рассказов Слаповского расширение слов автора мотивируется авторской рефлексией. Как отмечают исследователи, языковая рефлексия, которая отражена в художественных текстах новейшей прозы, выразительно демонстрирует современное состояние языка [6], фиксируя его характеристики и представляя различные речевые ситуации и особенности речевого взаимодействия.

КПР традиционно понимается как форма буквальная передачи чужой речи, что, однако, опровергается обращением исследователей как к классическому, так и к современному тексту. Автор не может не учитывать наивных читательских ожиданий воспринимать КПР как способ передачи чужой речи «здесь и сейчас». В связи с этим обратимся к концепции функционально-композиционных типов речи С. Г. Ильенко. Согласно темпоральному критерию, в ней выделяются демонстрационный (ДТР), информационный (ИТР) и сентенционный (СТР) типы речи. В ДТР иллюзию совпадения времени текста и времени истории создают не только детализация, повышенная плотность глагольных рядов, но и включение в повествование КПР и диалога. В отличие от ДТР, ИТР представляет собой краткий рассказ о действительности [6, с. 158–159]. Таким образом, КПР и диалог являются конституирующими признаками ДТР, другие же способы передачи чужой речи могут быть присущи всем функционально-композиционным типам речи.

Художественной установкой Слаповского является изображение типичных ситуаций, предполагающее синкретизм двух типов речи – информационного и демонстрационного.

Повторяемость этих ситуаций становится основой обобщения, смещая акцент с собственно прямой речи на слова автора:

«...дядя Слава, – классный бульдозерист, который каждый вечер медленно поднимался по лестнице, широко ставя ноги <...>; встречных или попутных он пропускал <...>, отдавая честь и говоря: “Здравия желаю!”» (А. Слаповский. Соседка) [1, с. 245].

В предлагаемом фрагменте очевидно повышение смысловой значимости слов автора, предворяющих прямую речь, которая при этом становится частью описания типичной ситуации.

Прямая речь персонажей Слаповского отличается клишированностью. Автор, неравнодушный к судьбе русского языка, представляя языковую личность современников, демонстрирует девальвацию слова в речи своих персонажей. Штампы и речевые стереотипы предстают в форме свободной прямой речи, которая отличается от прямой не только пунктуационно-графической аранжировкой, но и установкой на типизацию ее формы и содержания:

«...тут он меня вызывает к доске. <...> Начинаю отвечать, а он вдруг так посмотрел <...>. Сказал: всё, садись, пять. <...> И я его убедила – давай все оставим в приятных воспоминаниях, спасибо тебе, но не будем друг другу морочить голову» (А. Слаповский. Романтическая быль) [1, с. 224].

Характерной особенностью изображения внутренней речи в анализируемых рассказах является сближение КПР и высказываний с вводными компонентами, отличающимися пунктуационно-графической аранжировкой. Еще в работах А. Г. Руднева рассматривался вопрос о сходстве слов автора с вводными компонентами [17]. В рассказах Слаповского вводные компоненты различного объема так же, как и слова автора, предназначены для выражения языковой рефлексии, нередко при этом подчеркивается чужеродность высказывания:

«На этого мальчика я сразу сделала стойку, как говорит моя подруга Рада. <...> Я хороша <...>. Мужчины западают на раз, как сказала бы Рада» (А. Слаповский. Сто долларов) [1, с. 387].

Свободная прямая речь также становится формой изображения внутренней речи, бедность которой свидетельствует о девальвации мысли, о неспособности или о нежелании современного человека думать:

«Я ведь совсем ее не люблю, зачем я это делаю? – примерно так думал бы он, если бы способен был думать» (А. Слаповский. Соседка) [1, с. 251].

В сфере внутренней речи языковая рефлексия автора и персонажей закономерно предполагает не только субъективные модальные сдвиги, но и сдвиги в плане реальности/ирреальности:

«И жили долго и счастливо и умерли в один день, хотелось бы после этого сказать, но еще рано, прошел только год» (А. Слаповский. Ленка и Настя) [1, с. 168].

Слаповский, изображая чужую речь, демонстрирует и чужое речепорождение, мотивацию выбора слова и дальнейшего речевого развертывания:

«Женя не знал, что еще сказать, а разговор заканчивать не хотелось <...>. Спросил:

– А у тебя все так, как написано?

<...>

Жене показалось, что девушка слегка насто-рожилась, поэтому поспешил успокоить:

– <...> Просто ты мне очень понравилась» (А. Слаповский. Страсти Жени Харисова) [1, с. 326–327].

Это проявляется в особом семантическом наполнении расширения вводящих авторских слов.

Сквозь синтаксическую призму можно увидеть, что изменилась не только речь современников, портреты которых создавал Слаповский. Многие персонажи его рассказов лишены бунинского романтического ореола, не способны к выражению сильных чувств. Не только внешняя, но и внутренняя речь персонажей «Темных аллей» более глубока, эмоциональна, развернута, чем речь персонажей «Туманных аллей»:

«Боже мой, что же мне делать! – с отчаянием подумал он. – Опять эти теплые детские слезы на детском горячем лице... Она даже и не подозревает всей силы моей любви к ней! А что я могу? Увезти ее с собой? <...>» И стал быстро шептать <...>:

– Танечка, радость моя, не плачь, послушай: я приеду весной на все лето, и вот правда пойдём мы с тобой “во зеленый сад” – я слышал эту твою песенку и вовеки не забуду ее, – поедем на шарабане в лес – помнишь, как мы ехали на шарабане со станции?» (И. Бунин. Таня) [2, с. 61].

Приведенный пример убедительно демонстрирует различия представления чужой речи в классическом и современном тексте и подтверждает выполнение Слаповским указанной им в предисловии к сборнику задачи проследить разноаспектные изменения не только в речи, но и в способности людей любить, а также выражать свои мысли и чувства.

Специфика своеобразия представления способов передачи прямой речи в рассказах Слаповского мотивирована опытом его сценар-

ного письма. Раскрывая особенности сценарного текста, И. А. Мартынова отмечает возможности присутствия в словах автора двух различных позиций – говорящего и наблюдателя. Роль наблюдателя является ведущей, при этом воздействует на синтаксические особенности текста, что «приводит к элиминации предиката говорения и графическому отрыву слов автора» [18, с. 71], которые способны указывать на причины выбора говорящим слова.

В рассказах Слаповского слова автора в некоторых случаях значительно превышают по своему объему прямую речь. Это связано с тем, что в их расширении дается оценка речевого поведения персонажей, мотивируется выбор слов и отказа от них. Развернутый авторский комментарий, предваряющий диалогическое единство, актуализирует точки зрения рассказчика и персонажей, выражает авторскую иронию. С ним контрастируют неразвернутые реплики персонажей, иногда состоящие из слов служебных частей речи:

«Сцена была нелепая, похожая на диалог двух джентльменов девятнадцатого века <...>. Мне надоело, я сказал:

– Эпизод, не эпизод, вам-то что? <...>

– Я просто очень ее люблю.

– Я тоже.

– И?

– Что и?

– Я понял. Извините. До свидания» (А. Слаповский. Курица) [1, с. 25].

У Слаповского, в отличие от Бунина, мы не встречаем значительных по объему монологов персонажей, отличающихся концептуальной сложностью, при этом диалог перемещается в речевую сферу рассказчика. Нередко современные прозаики закономерно стремятся «спрятать диалог внутри абзаца» [19, с. 322]. Такой способ его представления может быть мотивирован модальными сдвигами (Д. Рубина) или аномалиями развертывания текста (Л. Петрушевская). При выборе такой формы очевидно влияние устной разговорной стихии, однако причины трансформации традиционного представления диалога мотивируются различными причинами, среди которых исследователи называют «напряженную субъективированность <...>, подчеркнутую объективированность речи, доминирование наблюдаемого над слышимым, сдвиги в модально-временном плане» [18, с. 72]. У Слаповского этот выбор обусловлен иначе: он создает пересказ диалога в лицах:

«Короче, он [Виктор] входит и стоит. Я – ты чего? Он – машина сломалась. <...> Я говорю, ты иди давай, грейся <...>. Говорю – выпей кофе,

потом разберешься. А он так со смыслом – да, разберусь» (А. Слаповский. Обида) [1, с. 367].

Таким образом, обращение к сборнику рассказов Слаповского «Туманные аллеи» демонстрирует своеобразие представления чужой речи в современной прозе. Особенно это выражается в таких способах, как конструкция с прямой речью, свободная прямая речь и диалогическое единство. Сопоставление классического и современного текстов показывает, как изменяются КПР и объем ее частей, развивается рефлексивная функция слов автора, наблюдается сближение КПР и высказываний с вводными компонентами в изображении внешней и внутренней речи персонажей. Описывая типичные, повторяющиеся жизненные ситуации, Слаповский выбирает форму свободной прямой речи, создает синкретичные формы таких функционально-композиционных типов речи, как демонстрационный и информационный. В диалоге немногословные, клишированные, не наполненные концептуально и семантически реплики персонажей становятся средством выражения субъективной модальности и демонстрируют авторскую ироничную оценку современного человека, проявляющуюся в отражении *девальвации слова и мысли* в его речи.

Подводя итог, необходимо отметить, что не только эксплицитно выраженная позиция автора, тонко ощущающего современное состояние языка, но и взгляд сквозь синтаксическую призму и анализ способов передачи чужой речи позволяют сделать более разноаспектными представления об изменяющемся времени и о речевом портрете современника. Продуктивными для лингвистического анализа современной прозы оказываются принципы, предложенные профессором С. Г. Ильенко: взаимообусловленность функционально-композиционных типов речи (информационного, демонстрационного) и способов представления чужой речи, а также учет соотношения монологической и диалогической форм в художественном тексте и установка на исследование речевого поведения персонажей.

Список литературы

1. Слаповский А. И. Туманные аллеи. М. : АСТ, 2019. 250 с.
2. Бунин И. А. Темные аллеи. М. : Эксмо, 2008. 280 с.
3. Набоков В. В. Другие берега : сб. Л. : Политехника, 1991. 400 с.
4. Безруков А. Н. Редукция художественного повествования в прозе постреализма (цикл «Туманные аллеи» Алексея Слаповского) // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 24–34.
5. Черняк В. Д., Черняк М. А. Русская литература XXI века: приглашение к чтению : учеб. пособие. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 320 с.
6. Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 674 с. (Герценовская антология).
7. Милых М. К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков : Изд-во Харьковского ун-та, 1956. 166 с.
8. Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1968. 282 с.
9. Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев : Вища школа, 1975. 220 с.
10. Скоморох М. М. Нестандартные способы включения чужой речи как проявление деиерархизации современной прозы // Rossica Petropolitana Juniora : сб. науч. работ молодых ученых в области русистики / отв. ред. К. Ю. Зубков. СПб. : СПбГУ, 2007. Вып. 1. С. 166–175.
11. Черкасова Г. В. Гибридные формы чужой речи в свете теории высказывания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 23 с.
12. Блинова О. И. Способы передачи чужой речи в художественном тексте (миметическая классификация) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 153–157. <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.37>
13. Клецкая С. И. К вопросу о грамматическом статусе инкорпорированной прямой речи (на материале произведений Л. С. Петрушевской) // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 169–177. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.4.28126>. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28126 (дата обращения: 03.04.2023).
14. Аманалиева Ф. Б. Не-dialogические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989. 17 с.
15. Максимова Н. В. О разнородности форм передачи чужой речи и их языковом, речевом, текстовом статусе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 16. С. 48–60.
16. Чиркова Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте: на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 19 с.
17. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М. : Учпедгиз, 1959. 198 с.
18. Мартыанова И. А. Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 112 с.
19. Петрушевская Л. С. Девятый том. М. : Эксмо, 2003. 336 с.

Поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 05.02.2024
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 05.02.2024